

17.7.67

Бортпроводница по радио:

— Высота 8 тыс.м., температура за бортом – 45°. В 22 часа будем пролетать Подкаменную Тунгуску.

В 23 по Москве взошло солнце. Облачность густая от Москвы до Лены. Только восточней Лены начались просветы.

Ночь длилась часа два. Ровные облака, словно снежная пустыня. И вдруг — синяя, черная гора и внутри нее мигают молнии — отсветы на обшивке самолета.

18.7.

1.15 по московскому времени. Солнце, внизу увалы, тайга, изрезанная речками, луговины у рек. Облака кончились за Леной. Сначала утренний туман, а сейчас — прозрачный синий воздух. Только некоторые долины среди гор залиты серыми облаками, да над реками пласты облаков.

Впервые видел селение, где сплошная тайга. Показалось железная дорога или шоссе.

1.25 — внизу река Зея — очень широкая, с островами, поросшими лесом, и с песчаными отмелинами. Селения очень редки.

19.7.

Хабаровск. Магазин «Рыба». Креветки, угольная рыба палтус, Марлин, мясо китовое.

20.7.

Отоспался, вошел в новое время и ритм. Парень: знаешь опенки? На Камчатке у опенок шляпка в ведро не влезет и ножка с руку толщиной. На Камчатке увидимся — я буду в долине.

Надо ехать на озеро Коты под Хабаровском. Там сейчас вода спала — рыбы много, медведи приходят есть рыбу. Там много зверей. Сохатый приходит. Я как устану — корешок лимонника жую. Очень горький, но сразу снимает усталость.

Художник — загорелый до негра — калужонка поймали, молодого, маленького — 120 кг. 40 бутылок китайского коньяку было. Уха — по 1кг в миске мяса. Противень жареной — со стол. Писал натюрморт — «Рыба». Все выли — скорей уху. А он пишет медленно. Вечером сварили уху. Всю ночь один ловил, чтоб к утру — свежий натюрморт.

Художник небрежно рассказал, что его любовнице 18 лет, а ему 50. Она любит пожилых мужчин. Считает, что они солидней и все у них поставлено, как надо, они положительные. Приезжает сдавать в заочный техникум экзамены, останавливается в гостинице и он к ней приходит.

— С ней хорошо изменять жене.

Хабаровск — краеведческий музей.

Скелет морской коровы есть лишь в Хабаровске и в Москве (зоологический музей) — большая редкость. Не боялись людей. К концу 18 века полностью истреблены.

8–10м длиной, вес 4 тонны. Мирно паслись в зарослях морской капусты. Скелет найден на Командорах в 1897 г.

Стрела со свистулькой. Севохи «мангни» — охраняют дом шамана от вторжения в него черта. Из ствола дерева фигура человека и столб с резьбой.

Айны. Халат из крапивы.

Чукчи. Кухменка из птичьих шкур — брюшко утки.

Медвежий праздник — ложки для кормления медведя и корытце для корма. Из лука убивает медведя старейший и почетный член рода.

21.7.

Дни стоят пасмурные, очень влажно и парно. В городе сегодня появилась мошка. Не много, но иногда щипет за лицо и вьется у глаз.

В кухне у Бориса — медвежья ступня — кожа с лапы. Недавно принесли медвежатину — готовили.

Спортивный журналист. Дочь говорит ему: — Папа, вот ты комментируешь по телевидению, ты же вроде шута. Все тебя знают. И он знает — это халтура, но как ответить дочери?

Купались ночью в Амуре. Очень темно, как и днем — жарко. Потерял эту записную книжку. Долго шарил во тьме у лодки, где раздевался. А книжка — у другой лодки, где разделся сначала, а потом перенес вещи на пустую (у той лодки была парочка после целованья в воде). Борис стал раскачивать эту другую лодку и завалил в воду брюки, фотоаппарат и я думал, книжку. Но книжка выпала, к счастью, раньше.

22.7.

7.00 местного времени — отъезд на автобусе во Владивосток. Проехали Хабаровский край, въехали в Приморье.

23.7.

Едем по Приморью. Рассказы. Слет спортсменов. После соревнований в столовке — выпивка. Водку выпили. В буфете есть еще бражка, но директор запретил ее продавать — перепьются, намешают. Но все требуют продавать. Парень тяжелоатлет или борец подошел к буфету, взял бочку, поднял над головой, вышел на середину чайной и ударил об пол — разбил. Милиция, уплатил стоимость бражки.

В тайге береза, дуб, амурский бархат, виноград и кишмиш (продолговатый, а осенью светится насквозь).

Власовцы отсюда получили право на выезд. Уехали. Вернулись назад. Тут вольготней. Пасека, овцы и прочее. Доход. Живут здесь. Заехали к ним на хутор. Пьют вместе. Они: — Мы таких, как вы расстреливали. И будем при случае. Такой разговор.

Очиха-Сахалин

10–15.8. Идет кета по водопадам.

Был в Хабаровске. 26–28 поедет Чешев Иван Иванович за ходом горбуши. Он снимал эпизод — прыгали с парашютом. Его спустили из самолета на стропах. Он висел под брюхом с камерой. Снимал тех, что прыгали с соседнего самолета. Об увлечении. Снимали ход горбуши. Он начал с берега, а когда опомнился — был по горло в воде, намочил документы и весь вымок, но сделал лучшие кадры в жизни. Рыба прыгала выше человека.

В Охотске — все галька. Охотская картошка. В гальку кладут две сельди, которые берут на берегу, а на них кладут картошку и засыпают галькой. Картошка растет, но без крахмала. Когда жарят — пахнет картошкой, но от нее одна клетчатка — тонкая делается, но пахнет картошкой.

А в Приморье проезжали огромные, на 10 км, картофельные поля, которые цвели.

Дорога от Хабаровска до Уссурийска идет, в основном, по низине. Много болот. Особенно в Хабаровском крае, сплошь почти болота и поселки стоят в болоте. Как-то сделаны островки и на них дома. Стоят на воде, а воду во многие селения привозят. На шоссе напротив дома стоит бак или ведра, в которые водовоз льет воду.

Сначала сопки, покрытые тайгой. Здесь много зверя, орехов и грибов. Иван Иванович указал речку, по которой в 300 км от шоссе есть селение удегейцев, живущих по-старому — одежда, дома на сваях и шаман.

25–26.7.

Приехал на роскошном Икарусе-люкс из Уссурийска во Владивосток. Пейзажи крымские и солнце, но жарко, как на Кавказе и сыро. Сразу стал мокрым насквозь — рубаха липнет. Сегодня во второй половине дня солнце затуманилось и стало прохладней.

Порт. Старые черные пакгаузы из рифленого железа и старая надпись «Пароходная компания братьев Бриннер». Нагромождение всяких судов. Немой сидит у причала и ловит рыбу на леску с грузом. Нефть, доски, а он ловит и попадает что-то. Он в черной одежде.

Сколько труда собрано в порту. Чего стоили эти корабли и грузы, которые на них грузят.

По улицам и в порту бродят матросы, видимо, арабы — молодые, в белых рубашках и бескозырках, которые чудом держатся на макушке — так малы. Видно, держится в курчавых волосах.

25.7.

Из всех окон и на балконах города вывешены перины и подушки — сушат от сырости, которая была перед ясной погодой — туман и дождь.

Рыбный магазин Владивостока. Морская капуста сушеная, осьминог, мясо трубача (моллюск), трепанги, креветки, мурена-стрелозуб, палтус, парусник, меч, марлин, китовое мясо, котлеты из китового мяса.

В бухте Провидения трехэтажные дома. Перекрывали плиты без башенного крана. Бульдозер нагребал сугробы и с сугробов обычным автокраном ставили плиты.

В столовой, которую построили осенью и не застеклили еще, за зиму набило столько снега, что весной, когда хотели продолжить работы, снег пришлось пилой пилить и выносить кусками.

Чукчи говорят: погода есть, самолётка есть, пилотка нет. Пилотка есть, самолётка есть, погода нет.

Пролетом, в Анадыри хоронили товарища. Могилу вырыли заранее и мерзлота начала таять. Пока произносили речи, солдаты отчерпывали из ямы воду.

Луньков — последний рейс в ноябре. Овощной рейс, самый трудный и ответственный. Надо довести, чтоб не замерзло. Детишки с берега смотрят большими глазами — рады — соленые помидоры, огурцы, картошка.

Парень на переправе с 46-го причала:

— Вчера на вокзале пиво было. Напился до зеленых соплей. Говорят, БМТР пришли. Я всю систему оформил, сдал. Карточку прицепил, печать шлепнул. Не знаю, возьмут ли. На кальмара, на креветку пойдут. Правда, снимут запросто, если банку пропустишь.

27.7.

Владивосток. Краеведческий музей.

Тунгусы. Охотничий амулет, изображает пару медведей и ящериц. Символ удачи при охоте на соболей. Тунгусский календарь — книжечка из дерева. 12 строк дырочек — дни месяцев.

28.7.

Вышли на девиацию в Амурский залив, и на капитанском мостике откуда-то взялся паучок, у капитана на руле — маленький богомол зеленый, а по судну над палубой летал хвостоносец, как птица, я думал — ласточка.

28.7. Владивосток. У причала дивизиона «Ишим». Вчера вечером закончили погрузку материалов: ящики, бочки, железобетонные плиты-перекрытия. Сегодня в 11 утра пришла машина с коровой. Всего будет пять коров. Два солдата на причале пилят доски. Уже сколотили две кормушки и делают щиты для хлебов. Все быстро. Утром еще ничего не было, а сейчас — коровы и хлевы.

Был в городе (спал уже на корабле). Съездил на фуникулере вверх-вниз.

«Ишиму» сообщили о пропаже японской шхуны. Он ходил в тех местах, но ничего не нашел. Потом с тральщика заметили дымок и сняли японца. Выясняли почему «Ишим» не нашел их — пришлось показывать вахтенный журнал и весь путь.

Капитан: не Северных Курилах (остров Харимкотан) нашли японца. Их рыболовецкая шхуна разбилась и три месяца их считали погибшими. Зимой одного нашли полумертвого. Потом выяснилось. Их было трое. Доели остатки еды. Питались морской капустой. Один пошел ловить капусту — утонул. Остались двое. Зима. Из снега построили землянку. От голода этот убил товарища. Разделал мясо, засолил в бочонке и ел. Этой детали не стали сообщать в Японию. Но там узнали, что спасенный через три месяца повесился.

Ходили на девиацию с 14 до 17.30. Вышли из Золотого рога через Босфор Восточный в Амурский залив. Солнце, синее море, по горизонт и берега в дымке. В заливе стоят корабли — приготовились к параду 30 июля в день военно-морского флота. Густо усеяны флагами.

Несколько часов кружили по заливу — проверяли компас. Смотрел в стационарный, очень сильный бинокль. В это же время четыре солдата-пограничника сколачивали коровник по правому борту для двух коров. Для трех слева сделали, пока стояли у причала.

Солдаты готовятся к погрузке кроватей-сеток. Их целый штабель. Солдат прыгает на них, насвистывая Летку-енку.

Около машин пять коров. Сначала покорно стояли в машинах (едут с 17 часов вчерашнего дня). Потом их свели с машин. Стоят. Наивно, по-домашнему, беззащитно, по-женски, как-то, стоят среди ящиков, машин, пакгаузов, кораблей и канатов. Но в то же время и с каким-то своим достоинством. «Мы — жизнь». Пока ходили на девиацию, они все стояли. Их подоили, и солдаты рядом пьют молоко. Одна корова мычит — надоело стоять. Она тычет мордой в сено с навозом, которое на машине.

Ветерок с их стороны приносит запах хлева, который здесь наивен.

Шофер вдруг начал ругаться (его и видно не было раньше). Кричит скотнику: «Убирай к *беной матери своих коров. Ну, вас всех на х*! еду домой. Со вчерашнего дня не жрал. Бардак этот надоел!»

Старпом — временно исполняющий обязанности капитана корабля решает тысячу вопросов. Девиация, коровники не обшили толем, погрузка дополнительного груза — привезли еще три машины ящиков. Молоденький лейтенант пограничников, которые работают на складе, не может убедить солдат, что надо еще обшивать толем. Солдат огрызается. Лейтенант с ним спорит.

Капитан: «Распустил людей, нельзя так. Вот у меня матросы».

Весь день была влажная жара, в море солнце. А сейчас в порту — на базе подул южный ветер, и сразу стало прохладно. Я три дня ходил в одной рубашке и изнывал, а сейчас впервые во Владивостоке надел майку, рубашку и куртку.

Иван Васильевич: — «У нас говорят — трудно служить первые двадцать пять лет, а потом легко».

Коров ведут по трапу через борт. Упираются. Спереди тянут два-три человека за веревку, привязанную к рогам, сзади подталкивают и придерживают с боков еще четверо. А с хвоста — грузный старик из совхоза — палкой подгоняет. Корова опасно встает на ступеньки наспех сколоченного трапа, с опаской идет и охотно в хлев или клетку, как тут зовут. Одна поранила копыто о трап. Лейтенант: — Надо ей ногу перевязать. Старик-украинец: «Я бы тебе перевязал со скипидаром, щоб побежал. Два дня пять коров погрузить не можете. В тот год привезем коров, выпустим в порту и уедем, бегайте за ними, собирайте». Грузят последние ящики. Солдаты наспех сбивают двери для клеток, обивают их и хлева толем. Все на соплях. В шторм может полететь. Мичман гово-

рит, что в шторм не будем идти — коровы плохо переносят. А свиньи хорошо, только подпрыгивают при сильной качке.

Коровы привыкли сразу. Выглядывают из клетки, тянут морды к людям, осматривают и нюхают настил трюма. Солдат щекочет корову под шейю, гладит. Ставят контейнер с сеном. Коровы мычат.

Перед выходом в море с матросами беседовал начальник штаба части, капитан 2 ранга Наумов, который когда-то был командиром «Ишима». Сказал о трудностях перехода. Что путь лежит по границам с Японией и США. Будут на пути подводные лодки чужие, будут кружить американские самолеты.

Лейтенант командиру корабля:

— Возьмите два ящика уксусной эссенции.

— Что ж раньше о них не сказали? Это груз первой категории опасности — яд. Не возьму.

— Возьмите, она в бутылочках и все завернуты, не побьются. А там пельмени не с чем есть.

— Нужно сразу было заявку давать.

— Возьмите, для пельменей ведь...

— Не торгуйся, лейтенант, не возьму.

Но, конечно, взяли ее, и ящики поставили на шлюпочной палубе.

28.7.

Около 10 вечера по местному времени снялись с якоря. Вышли из бухты Золотой рог. Справа — маяк. Дали позывные кораблю слева, который выпускает из порта.

— Задраить водонепроницаемые переборки, затемнить корабль! — команда командира.

— Боевая готовность номер два.

А на палубе коровы мирно жуют сено из кормушек.

11.10 Владивостокские огни скрылись. Только в стороне города светятся две полосы на небе — одна над другой — длинные узкие серые полосы, да слева — красный глаз маяка. Темень совсем черная. От света ничего не видно на палубе.

Ночью — яркие звезды. Идем на юг.

29.7.

В 5 утра вошли в залив Америка и бухту Находку. Неисправна радиолокационная станция, рулевая машина и радио опознавательный аппарат, локатор. Чинят сами, а если не удастся, вызовут мастера с берега.

Порт огромный растянулся по всему побережью. Видны современные кирпичные дома на берегу, и деревянные, с огородами. И поселочки из деревянных домов в сопках, огородики картошки. Но это все мелочи — главное — порт. Стоят японские лесовозы (три штуки), одно судно с Кипра.

Коровы жуют сено. Скотник дает им горстью комбикорм, поит водой. На завтрак было горячее молоко.

— Товарищ Захаров, вы скатили палубу? Намочить — это не скатывать. Ты что, не скатывал палубу. Чего ты материшься? Скатывай по-настоящему. Не знаешь, а споришь. Мыть положено палубу, а не мести. Понимаешь — мыть водой и щеткой.